

Глава 9

Запах смерти... Он всё никак не покидал мою носовую полость.

Я хлопала себя по лицу, стоя в душе, но мне удалось смыть лишь пролитую кровь... и куски плоти тех, кто погиб.

Вопли людей, которых нужно было спасти, эхом отдавалась в моих ушах.

Последние муки Слуг, оказавшихся под контролем Нзамби... остались в этих кончиках пальцев. Пальцев, которые высвободили «ветвь» злых духов.

Невосполнимая утрата.

Я облажалась. Облажась. Это была моя работа, и я облажалась по-крупному.

Невыносимая тяжесть моего неизмеримого сожаления давила на плечи. Полностью лишившись сил, я рухнула на кровать. Свернувшись во мраке в клубок, я провела пальцем по мокрой пряди волос. В неё был установлен Тайный знак, приложение, связанное с магической коммуникационной сетью. Открытый канал безмолвствовал. Ответа не было. Я больше никогда не услышу её голос.

— Карен...

Этот Тайный знак подарила мне наставница, когда я решила покинуть свой дом в Синдзюку. Фудзимура Карен, наставлявшая меня, сколько я себя помнила, была мертва. По словам её преемницы, духовное ядро Карен исчезло. Мне следовало горевать. Я должна была проливать слёзы. Я приберегла этот момент, чтобы должным образом оплакать свою наставницу. Но слёзы не желали появляться. Закутавшись в простыни, я искала спасения в пустой и бессмысленной дрёме. Но стойкий запах смерти пробуждал воспоминания о далёком и мрачном прошлом.

*

Это произошло пять лет назад.

В свои нежные девять лет я уже жила одна в Акихабаре. Мне наконец-то удалось добиться того, чтобы Карен начала поручать мне мелкие задачи. Обычно всё сводилось к рутине. Я подчищала за Слугами, проводила операции под прикрытием в местах, где ребёнок не привлекал внимания, или занималась другими заданиями, в которых взаимодействие с жителями Мозаичного города сводилось к минимуму. Мне отчаянно хотелось выжить. Даже в этой, на первый взгляд, утопии, не обладая Святым Граалем или бессмертием, что он даровал, я твёрдо намеревалась проявить себя. Я жаждала доказать, что мне не нужно покровительство Читосэ, что я могу пережить любую бурю, любые жизненные невзгоды и без Слуги.

«К счастью», я была одержима злыми духами. Способность повелевать этим легионом сущностей, обитавших в моей крови, пьянила меня. Я могла управлять ими как частью себя или даже как оружием быстрее любого клинка. Уверенность была из меня ключом. Я не сомневалась, что могу не только защищать себя, но и охотиться на враждебных Слуг.

И затем... купаясь в этой новообретённой надменности, я ввязалась в неприятный инцидент. На сеансе групповой терапии я познакомилась с мужчиной,

который боролся со своими внутренними демонами. Как и я, он будто дрейфовал по Мозаичному городу в поисках своего места. Будучи по профессии кожевенником, он делал сумки и детскую обувь и поставлял их в магазины. В его тихой мастерской раздавался лишь ритмичный стук молотка, но на его губах всегда играла тёплая улыбка. Он усердно тренировался в спортзале и поэтому телосложением походил на Слугу.

Мы были поразительно похожи. Оба несли на себе ношу, непоколебимое беспокойство, вплетённое в гобелен жизни этого города. Его душа корчилась в муках. Я поверила в то, что могла пересечь пропасть между нами, предложить утешение и понимание. Возможно, даже даровать избавление... не с помощью Карен или Луция, а собственными руками. Именно это мной и двигало. По спине пробежала дрожь. Ко мне пришло осознание, что это была первая настоящая работа, которую я поручила себе сама.

Однако я даже не подозревала о том, что он уже очень давно страдал от психического заболевания. Оно загноилось, переросло в нечто непоправимое. Возможности почувствовать угрозу и сбежать то и дело появлялись, но тогда я была ещё слишком юна и невинна. Из-за отсутствия опыта я не могла оценить всю глубину его тьмы, но что самое главное, мне очень не хватало кое-чего крайне важного.

Рядом с кожевенником постоянно присутствовал Слуга, своими чертами напоминавший фарфоровую куклу. Это был Людовик XVII, последний признанный король Франции из династии Бурбонов и второй сын королевы Марии-Антуанетты, которую казнили на гильотине в ходе революции. В отличие от своего немногословного Мастера, Людовик был очень даже разговорчив.

— То есть ты собираешь фрагменты эмоций по всему городу, Эрис?

— Ага...

— Любопытно. Я бы даже сказал, увлекательно. Значит, ты хочешь стать человеком? Но ведь ты уже человек.

— Возможно... Ещё нет.

- Ну разумеется, нет! Мёртвые выразительнее будут, чем ты, да и боль они наверняка чувствуют. Ха-ха! Это лишь усиливает интригу!

— Хватит тыкать меня пальцем в щеку. Я... знаю, что такое боль. Просто ещё толком не разобралась, что именно она значит.

Даже в своём классе я чувствовала себя чужой. Одноклассники, родившиеся в послевоенную эпоху, все были добрыми, сочувствующими и, казалось, всем довольными. Они не опускались до издевательств и не выставляли напоказ своих Слуг. Выросшие в мире изобилия, они не чувствовали потребности упиваться опьяняющим превосходством. Сострадание по отношению ко мне, несмотря на все мои неадекватности, вероятно, было для них источником гордости.

Школа напоминала мне больницу, где меня вечно окружали доброта и сочувствие. Однажды между мной и другим учеником возникло недопонимание, быстро переросшее в ожесточённую перепалку, которая закончилась случайным ранением. Его Слуга сразу же материализовался - тем самым вопиюще нарушив

школьные правила - чтобы всё уладить. В итоге меня ни в чём не обвинили, а мои одноклассники с готовностью приняли то, что произошло. Когда раненый ученик - жертва, как ни посмотри - склонил голову и попросил прощения за недостаток понимания, лишив меня даже возможности как-то оправдаться, я испытала чувство, будто меня огрели молотом по голове. Вспоминая тот случай теперь, я думаю, что Слуги прекрасно знали, какую опасность я для них представляла.

Когда я робко призналась ему в этом, на секунду воцарилась тишина.

— Мудрость за пределами класса? — задумчиво протянул он. — Естественно, её в избытке. Но знаешь, я всегда хотел испытать *liberté* и *égalité*¹, которые может даровать лишь обучение. Более того, Эрис, так ли уж нужны эмоции в городе вроде Мозаичного, где для выживания практически не надо прикладывать усилий? Какую пользу может принести понимание боли и печали других?

— Они нужны мне. Эмоции необходимы, чтобы жить в Мозаичном городе по-настоящему. В конце концов, даже я без Слуги и Грааля могу их обрести. Я хочу быть нужной. Хочу стать здесь своей.

— Вот как. Это очень важно, не так ли? В таком случае чувствуй себя как дома в нашей мастерской, ателье «Игла». Он возражать не станет, а мне компания будет очень приятна.

— Как мне кстати тебя называть? Ваше Высочество? Карл?

— Ох... Прошу, просто Людовик. Я ведь последний.

И вот так Людовик стал моим другом. Первым другом-ровесником, если можно так сказать. Будучи ребёнком, я верила, что наша встреча была самой настоящей удачей, может, даже чем-то предопределённым.

Но тогда я была в полном неведении...

Вскоре я стала постоянным посетителем кожевенника и мастерской Людовика. Слуги в Мозаичном городе считались верными партнёрами. Они оберегали своих Мастеров и помогали им ориентироваться в хитросплетениях социума. Я очень долго так думала. Однако в реальности всё было иначе.

Слуги обладали собственными стремлениями. В основе Мозаичного города лежит система Грааля, которая анализирует неотъемлемые желания каждого жителя и подбирает ему или ей пару из совместимых Слуг. Но её сила не безгранична. Для тех, кто лишены желаний или отвергают любую помощь, Слуги становятся незваными гостями. Сеансы групповой терапии, которые меня заставили посещать, организовывала Карен, муниципально-административный ИИ, в попытке поддержать таких людей. Многие в группе были пожилыми представителями «старого» человечества, несущими глубокие психологические шрамы, которые оставила предыдущая война.

---

¹ *Liberté, égalité* – фр. «свобода», «равенство».

Среди них скрывался человек, которые тайно жаждал собственного уничтожения. И Грааль выдал ему соответствующего Слугу. Он призвал из царства мёртвых чудовищного Авенджер, Людовика XVII, и вновь выпустил это существо в мир. Это была непреднамеренная ошибка в Святом Граале, которую не предвидела даже Читосэ. Она явственно показала, как ограниченно и небрежно справляется магия с оценкой людских сердец. Для Цензоров Мозаичного города, также известных как Блюстители морали, это стало очередным напоминанием о том, что в корне человечества нет различий между добром и злом.

Первое убийство произошло в Таме, одном из районов Мозаичного города. Преступник избежал поимки и расширил зону деятельности до Сибуйи и Синдзюку. Из-за того, что жертвы долгое время просто считались пропавшими, явной связи между случаями никто не увидел и преступление вскрылось далеко не сразу. Жертвами были люди, которые по тем или иным причинам либо активно избегали манифестации своих Слуг, либо попросту не могли это сделать. Классический случай пациента, борющегося с травмой, чья психика необратимо пострадала после того, как его или её семью убил Слуга во время войны. Все следы были умело сфабрикованы таким образом, чтобы у других сложилось ложное впечатление, что жертвы исчезли по своей воле.

Но они не исчезли. Все жертвы томились в заточении.

Уникальный Большая башня Благородный Фантазм Людовика XVII, «Спасение смерти из грязи тюрьмы», вводил их в состояние полной изоляции, как физически, так и магически. Воздействие этого Фантазма пресекало любые попытки получить помощь извне. Кожевенник с болезненной точностью сохранял их жизненные функции, одновременно подвергая своему мастерству. Он тщательно забивал в плоть жертв медные заклёпки, дубил их кожу сульфатом хрома, после чего сшивал их вместе. Он превращал бедолаг в выражения невыносимых мук жизни, лишённой цели.

Спустя месяцы после первого исчезновения его произведение искусства обнаружили в тихом парке в Синдзюку. Почти час жуткое творение оставалось нетронутым. Сделано оно было с таким мастерством, что случайный прохожий даже принял его за авангардное искусство. Жители Мозаичного города, которые наконец-то оправились от послевоенной смуты и обрели подобие нормальной жизни, увидели бы в этой провокации серьёзную угрозу.

Поэтому власти отреагировали стремительно. Началось всестороннее расследование этого театрального преступления. Следственную группу возглавили прославленные криминалисты и детективы из числа как людей, так и Слуг. Арест был лишь вопросом времени. Эксперты быстро составили профиль преступника и начали отсеивать подозреваемых. Петля неумолимо затягивалась. Однако к этому моменту у преступника не было абсолютно никаких намерений избежать поимки. Я

это прекрасно осознавала. Даже стремительный ход расследования укладывался в замысел кожевенника.

Тогда я наблюдала за отчаянными усилиями профессионалов, которым доверили безопасность районов Карен и Читосэ, reagировавших на разворачивавшиеся события, но испытывала лишь смутную тревогу и отстранённость; настоящее чувство опасности так и не проявилось. Несмотря на то, что я находилась в самом эпицентре.

Перед тем как я раскрыла настоящую сущность кожевенника, между нами состоялся последний разговор. Если подумать, то в тот день мы сказали друг другу больше всего слов. Кроме нас, в мастерской никого не было. Я наблюдала за тем, как он с изысканной нежностью работал с кожей.

— Уцуми, слушай меня. Я должен тебе кое-что сказать.

— Я Эрис. Э-рис. Запомните уже, мейстер.

— Слушай внимательно, Уцуми. Ты должна держаться от этой мастерской как можно дальше.

— С чего вдруг? Вы это говорите только потому, что Людовика нет рядом? Кстати где он?

— Он заставил меня израсходовать все командные заклинания, чтобы перебраться в другой район. К сожалению, наши встречи должны прекратиться.

— Но почему, мейстер? Вы всегда были мне рады. Говорили даже, что научите меня пользоваться кожевенным ножом. Вы мне врали? Мои мокасины из оленьей кожи даже наполовину не готовы...

— Я буду занят другими делами. Можешь взять всё, что понадобится.

— То есть... вы правда хотите оставить мастерскую и переехать? Просто отвернётесь от всего и сбежите? Если честно, так оно всё и выглядит. Но мне трудно представить, что Вы бросите всё, чему посвятили свою жизнь. Ваши изделия просто поразительны. Людовик всегда хвастался тем, как быстро Ваши сумки и детскую обувь сметают с прилавков.

— ...

Кожевенник ничего не ответил. Его взгляд замер на верстаке. Несмотря на хорошо развитые дельтовидные мышцы, он сидел сгорбившись с вялым видом. Словно щенок, которого отругал хозяин, он смотрел куда угодно, но только не на меня, что резко контрастировало с его внушительным внешним видом.

— Я... сделала что-то не так? Может, кто-то заметил меня здесь и донёс? Ох уж эти «добрые самаритяне» с их глупыми фантазиями. Они просто обожают считать себя спасителями. Если дело в этом, то я могу попробовать всё объяснить...

— Нет, вовсе нет. Я знаю, что ты всегда очень осторожна и сразу же заметишь слежку.

— Да, но... почему тогда?

Я изображала безразличие, но на меня нахлынуло глубокое чувство тревоги. Мысль о том, что я потеряю свою уютную гавань, была невыносимой. Эта

полуподвальная мастерская, сквозь маленькое окошечко которой пробивался внутрь кусочек внешнего мира, стала для меня убежищем... местом, где я была собой, избавленная от пытливых взглядов других. Потеря остроумия Людовика и его ничем не прикрытых поддёвок страшила меня. Я не могла вынести мысли о том, что их у меня отнимут.

Более того, я ещё не завершила... свою работу. Ещё не раскрыла источник мучений этого человека. Я держала в тайне свою связь с Карен и не менее тщательно скрывала то, что моей бабушкой была Манадзуру Читосэ. Я даже вошла в центральную базу данных и сделала так, чтобы любой запрос в городской сети выдавал обо мне фальшивые данные. Но... возможно, он разгадал все мои секреты с самого начала. Только почему-то не стал прогонять. Быть может, он просто ждал, когда правда сама выльется наружу, даже если для него это означало обнажить самого себя.

Внезапно, наши взгляды встретились. Его тёмные, налитые кровью, переполненные возбуждением глаза находились всего в метре от моих.

— Уцуми, — хрипло произнёс он. — Ты когда-нибудь думала о том, чтобы изменить этот город?

— Из... изменить? — я испуганно запнулась.

Да, когда-то я по глупости своей упивалась такими мыслями. Но в его отчаянии чувствовалось желание перекроить весь мир.

— В смысле?

— Война закончилась ещё до твоего рождения.

— Да, мне про неё лишь рассказывали.

Нельзя было отрицать, что я являлась частью нового поколения, пусть и без Грааля.

— Когда я увидела свет, мир уже был таким. Другого я не знала. Мне едва удаётся держаться на плаву, куда уж там думать о переменах. Но я знаю, что некоторые об мечтают.

Внимательный взгляд кожевенника словно вытягивал из меня слова.

— На терапии один старик как-то сказал, что бессмертие - не ответ. Что он просто хотел жить и умереть естественной смертью. У обладания Граалем должны быть последствия. Иначе это всё равно что топтаться на могилах тех, кто погиб во время войны. Есть ли что-то, что отличает нас от них? Абсолютно ничего, сказал он.

— Так вот какой эмоции ты научилась... — он усмехнулся и схватил меня за плечи. — Но это ложь, которую ты внушаешь сама себе. Старик лишь хотел воссоединиться с семьёй, сгинувшей на войне. Грааль не может исполнить такое желание. Он может лишь предложить утешение.

— Потому что... он не может оборвать свою жизнь это сам? Как только он попытается сделать с собой что-то ужасное, его Слуга сразу же вмешается, верно?

— А по какому праву? Это земля людей и для людей! Почему мы должны быть благодарны этим... чёртовым призракам? Даже если внешний мир - это сущий ад, почему мы должны с этим мириться?

Его пальцы глубоко впивались в мои плечи, но я едва ли думала об этом. Больше всего меня пугала сила эмоции, которую он испытывал по отношению к Слугам. Даже с учётом того небольшого, что мне удалось о нём узнать, он оставался для меня загадкой. Это был шанс выяснить, чего он намеревался достичь со своим Слугой Людовиком. Но когда я посмотрела ему в глаза, он отпрянул, сильно испуганный.

— Ой... Прости... Мне очень жаль...

После столь страстной речи кожевенник отвёл взгляд, отошёл от меня и погрузился в молчание. Мне хотелось услышать больше. Эмоции, которые он пытался подавить, нельзя было выразить словами. Мне казалось, что он хотел передать что-то напрямую в моё сердце. Это была ужасная ошибка.

— Вы ненавидите этот город, мейстер? Жаждете его уничтожения?

— Я... люблю его, — ответил он, но слова его звучали как-то пусто. — И хочу спасти. Правда хочу.

— Но всё равно собираетесь переехать?

— Да.

С тех пор я ни капли не изменилась. Такое же дитя, наивное и глупое. Я осознавала, что эмоции можно было выразить лишь действиями. Одними чувствами желание не исполнить, какими бы сильными они ни были. Люди, город, весь мир... их можно изменить, лишь пролив кровь.

Дни сменяли друг друга. Занимаясь собственным расследованием, я со всей осторожностью вышла на связь с близнецами Борджиа в поисках информации. Мне удалось узнать, что расследование странных убийств сузилось до Акихабары. Обнаружили ещё одну жертву, останки которой тоже выставили на обозрение как «произведение искусства». Камеры видеонаблюдения запечатлели размытый образ подозреваемого, но, несмотря на усиленные меры безопасности, люди продолжали исчезать. Я подозревала кожевенника и Людовика, но мне никак не удавалось заставить себя полностью поверить в их причастность. Какая-то часть меня цеплялась за мысль, что они тоже стали жертвами Мозаичного города, и никак не могла от неё избавиться. Даже после нашего серьёзного разговора я продолжала приходить в мастерскую. Каждый раз двери её были закрыты, и мне оставалось лишь пожимать плечами.

Ещё я столкнулась в городе с Людовиком. То, что его Мастер ещё не покинул район, вызвало у меня облегчение, но, несмотря на то, что Людовик вёл себя как обычно, мои слова казались неловкими и вымученными. Наш разговор быстро перерос в ссору, и мы расстались на плохой ноте. Слуги могли исчезать по желанию, поэтому он, вероятно, специально позволил мне себя обнаружить. Но я упустила этот намёк.

Что-то в тот день было не так. Ставни мастерской были закрыты лишь наполовину, а на двери виднелись следы взлома. Я не испытала никакого дурного предчувствия. По крайней мере, не сразу. Но затем духовный недуг в моём теле внезапно выплеснулся наружу. Из раны хлынула тёмно-красная кровь, а злые духи

вокруг меня загудели, предупреждая о неестественном присутствии. Рядом кто-то умер.

— Ух... Ик... Гха...

Из меня вырвалась гортанная смесь отвращения и боли.

Скривившись от пульсирующей агонии, я пробралась в безмолвную мастерскую. На полу лицом вниз в луже крови лежал незнакомец. Это был следователь полиции, из глотки которого торчал нож с клинком в форме полумесяца. Его Слуга отсутствовал. Запах крови змеей тянулся в подвал через зияющий скрытый проход в стене. Оттуда доносились приглушённые всхлипы и приторная французская песенка.

Голос целиком захватил моё внимание, манил вниз, поэтому я даже не заметила, как тот, кто учинил эту расправу, бесшумно подкрался ко мне сзади.

Очнулась я под массивным телом мужчины. Он не шевелился. В результате жестокой схватки мастерская превратилась в развалины. Моё тело выглядело не лучше. Рука безвольно свисала; плечо вылетело из сустава. От удара молотком рёбра треснули, едва не рассыпаясь от каждого вдоха. Несмотря на большой вес и затруднённое дыхание, я кое-как столкнула с себя тело и поднялась на ноги. Выжила только я. Повреждённый глаз никак не мог сфокусироваться. Выругавшись, я спустилась в подвал.

Но внизу меня ждал не подвал, а самое настоящее подземелье. Передо мной раскинулось нечто нереальное. По обеим сторонам коридора, погружённого во тьму сродни ночи в новолуние, тянулись камеры с железными решётками. В тяжёлом от запаха затхлой грязи воздухе чувствовалось тепло свежей крови. Здесь тоже были видны следы жестокой борьбы. В самом сердце пересекающихся проходов, в алой луже, где лежали переплетённые тела, я нашла Людовика. Верхняя часть его тела была сплошь пропитана кровью. Он стоял на коленях и напевал песню хриплым голосом.

— Людовик?..

Воздух пронзил поток мощной магии, вслед за которым последовало стремительное рассеивание огромного количества магической энергии. Слуга, отрезанный от своего Мастера. Энергия, поддерживавшая это место, была порождена еретичным жертвоприношением жителей города и напрямую питала существование Людовика. Но времени у него осталось совсем немного.

Я окинула взглядом окружение и увидела в камерах людей, ожидавших своей участи стать очередным «произведением искусства». Физически их, скорее всего, чем-то парализовали. Об умственном состоянии судить было сложно.

— Людовик, твой Мастер мёртв. Я... убила его. Если бы он опустил оружие, этого бы не произошло. Всё из-за моей слабости...

Людовик никак не отреагировал. Похоже, он больше ничего не видел и не слышал. Он освободился от контракта, и теперь его жизнь, на время данная Святым Граалем, подходила к концу. Слуга на грани возвращения в Трон героев. Слуга на грани смерти. Чего он добился, став соучастником отвратительных преступлений, которые появились, словно нарывы, после опустошительной войны? Какова была его цель как Героической души, возможно, даже как Анти-героя?

Кожевенник мечтал о перевороте, но всё превратилось в кровавый кошмар, оставляющий за собой только смерть. Людовик был всего лишь очередной жертвой этой революции? Однажды он шутливо сказал, что его класс - Авенджер. Разве он не мечтал сбежать из этой темницы? Без Граалей и Слуг эта трагедия никогда бы не произошла.

«Война... всё ещё продолжается?»

Я тупо смотрела на него, пытаюсь переварить непреклонную реальность. Когда жизнь Мастера угасает, Слуга тоже умирает. Я понимала это в теории, но истинное бремя этих слов ещё никогда прежде не ложилось на мои плечи. Что я, не будучи Мастером, могла сделать? Внезапно, песня прекратилась.

— Кто здесь?.. — пробормотал он, почувствовав моё присутствие.

Он больше не был тем красивым, похожим на куклу мальчиком, которого я помнила. Его черты исказили голод и усталость. Конечности увяли, как у старика.

— Ох... Жнец, я полагаю? Хорошо, заberi меня... Так уж получилось, что я сильно утомился...

— Людовик.

Я опустилась рядом с ним на колени и положила его голову себе на бедро. Взгляд мальчика был отсутствующим, а глаза - широко открытыми, но свет покинул их. Я чувствовала невыносимую скорбь. Он уже не мог меня узнать. Мне хотелось сказать ему, признаться, что я не Жнец, а Эрис. Пуститься в отчаянные извинения. Но, видя, как дрожат его губы с каждым судорожным вздохом, я проглотила всё, что хотела сказать. Любые слова перед лицом его неминуемой смерти станут лишь эгоистичной попыткой утешить моё раненое сердце. Поэтому я просто держала костлявую руку Людовика, молча наблюдая за тем, как жизнь покидала его.

С его губ слетел протяжный, облегчённый вздох.

— Mère²...

И на этом его жизнь угасла.

Окровавленными руками я цеплялась за пустое место, где он лежал секунду назад. Я закрыла глаза и скрючилась, когда сожаление и стыд погрузили в меня свои когти. Затем тишину разорвал голос. Голос, пронизанный полный недоумением, который донёсся как будто из ниоткуда.

— Эй, ты что, реветь не будешь?

---

² Mère – фр. «мать, мама».

Я открыла глаза, и моему взору предстало ужасающее зрелище. Надо мной нависло огромное демоническое существо. Это был дракон... нет, динозавр. Свирепый хищник, доисторический зверь, которому не было места в современном мире.

— У тебя слёзы где-то застряли, или что? Разве этот пацан, который только что отправился в Трон, не был для тебя важен?

Я изумлённо отшатнулась. Одновременно с этим темница, окружавшая меня и динозавра, начала исчезать. Вновь загорелись лампы, освещая голые бетонные стены подвала... каким он был на самом деле. Воздействие мстительного Благородного Фантазма Людовика прекратилось, и я увидела лежащие на полу тела похищенных жертв. Возвышавшийся надо мной огромный динозавр касался потолка своей массивной головой.

— Он настоящий... Слуга?

— Это Моми.

Из-за динозавра выглянула девочка не старше меня. Ростом она была на несколько сантиметров выше меня, а на голове красовалась короткая стрижка. Вкупе с вышитым атласным жакетом и кожаными шортами это придавало ей мальчишеский вид, что резко контрастировало с моими длинными волосами. Если бы не тон её голоса, я бы даже приняла её за мальчика. Это не динозавр говорил со мной, а она. Существо неподвижно стояло рядом с нами, словно бдительный страж.

— Давай, не стесняйся, — мягко сказала она. — Его больше нет, верно? Да, его друган притащил меня сюда, но ведь он для тебя что-то значил, не так ли?

— Я... не знаю, как плакать, — призналась я. — Чувствую лишь невыносимый стыд... словно я увядаю внутри.

Я съёжилась, но она подняла меня на ноги и крепко обняла.

— Вот как? Потрепало же тебя.

Да уж, потрепало. В этом бурлящем котле смешалось всё: неконтролируемая жажда убивать, вызванное смертью друга горе, эта девочка, которая вообще не знает, что такое личное пространство, и динозавр.

— Фу, ну и видок у тебя, будто пережевал кто и выплюнул, — заметила она. — Бедолага. Несладко тебе пришлось, да? Ну, я тут тоже, так сказать, не первой свежести. Хороша парочка.

— Ага, — буркнула я.

— Ха-ха, — хихкнула она.

Очутившись внезапно в объятиях, я поняла, что слушаю её, хоть и не просила об этом. Мои Магические цепи уже восстановились, а усиления были на подходе. Не зная, чем ещё себя занять, я терпеливо слушала её рассказ.

Как я и ожидала, она была одной из немногих выживших жертв кожевенника. Он усыпил её и выкрал из Акихабары, когда она, как выяснилось, собиралась сбежать из дома на пару дней, поэтому они, вероятно, даже не стали сообщать о её пропаже. Она была первым ребёнком среди исчезнувших. Мужчина явно отчаялся, раз опустил до похищения детей. И я могла стать следующей. Но она была не просто

случайной жертвой. Девочка тоже невольно посещала сеансы терапии по велению родителей и, видимо, тем самым привлекла внимание кожевенника.

— Ты... тоже никогда не призывала Слугу? — с любопытством спросила она, склонив голову набок.

— Тоже?

— Я Карин кстати.

— Карин... Этот динозавр твой Слуга?

— Ага! Мой первый! Только сегодня с ней познакомилась, и должна сказать, что Моми - просто отвал башки! — её лицо загорелось от чистого возбуждения. — Ну разве она не милаха?!

Динозавр что-то утробно проурчал и как будто улыбнулся. Как я после узнала, настоящим именем этой необычайной Слуги было Кидзё Коё. Класс Берсеркер. Воспитанная в доме, где призыв Слуги был под строгим запретом, Карин ни разу даже не пыталась это сделать, пока её жизнь не оказалась под угрозой.

— Мы с ней шушукались до этого, — объяснила она. — Хотя разговором назвать это было сложно. Мы типа вайбами обменивались что ли. Вроде как слали друг другу эмодзи... Сечёшь?

— Вообще не секу, — призналась я.

Связь между Карин и Коё отличалась от типичных отношений между Мастером и Слугой. С самого рождения она слышала голос, чувствовала чьё-то постоянное присутствие. Кидзё Коё всегда присматривала за ней.

— Эм... Карен?

— Какая Карен, я Карин. А тебя как звать?

— Я Эрис... Уцуми Эрис.

Так я познакомилась с Карин и Кидзё Коё.

*

После инцидента меня чуть с потрохами не съела моя наставница... Карен. Она резко раскритиковала мои безрассудные действия. Но, к моему удивлению, то, что ужасало меня больше всего - то, что убила жителя города и тем самым вызвала исчезновение его Слуги - Карен как будто не волновало. Она просто заявила:

— Это была самозащита. Поступи так я, муниципально-административный ИИ, то это вызвало бы серьёзные проблемы, в том числе этические. Однако ты гражданин Мозаичного города и поэтому обладаешь соответствующими правами.

Этот инцидент стал ярким напоминанием о логике ИИ, и я невольно начала гадать, обладала ли женщина, подарившая внешность Карен, такой же безразличной личностью.

Читосэ, моей первой опекунше, никогда не нравилась моя склонность к одиночеству. Однако инцидент дал ей возможность свести к минимуму её вмешательство в мою жизнь.

— Если тебе по силам защитить себя, — холодно заявила она, — то ты теперь взрослый человек. Поздравляю.

Судя по тону, она гордилась моей способностью справиться с ситуацией, несмотря на трагическую смерть следователя полиции. Я отчётливо ощутила, как по моей спине пробежали мурашки, ещё сильнее укрепляя веру в то, что покинуть дом Манадзуру было правильным решением.

— К сожалению, — заметила она, — тебе самой придётся справляться с угрозами. Это было неизбежно.

Весь смысл её слов всё ещё ускользает от меня.

Для выживания требовалось убивать тех, кто пытался причинить мне вред. Этот цикл насилия был неприятной реальностью войны. И всё же те жизни давили на меня тяжким грузом. Я не могла избавиться от снедавшего меня чувства, что они были не настоящими врагами, а просто жертвами обстоятельств.

Поддержку я получила не от живой Читосэ и не от искусственной Карен, а от Слуги Луция. Вбивавший в меня уроки самообороны с малых лет, он понял всю тяжесть моих действий. Навыки, которые я отточила для защиты себя, отняли чужую жизнь. Возможно поэтому он не стал меня винить, не предложил пустые слова утешения. Вместо этого Луций просто взял своё копье и возобновил тренировку, которой я пренебрегала с тех пор, как покинула дом.

Пока мы сражались, он вспомнил случай из своего прошлого, а именно столкновение с грабителями на окраине Рима. Тогда он, ещё совсем юнец, храбро дал им отпор своим пугио. Но его действия привели к тому, что один из них стал калекой и был вынужден просить милостыню. Луций часто пересекался с ним на улицах, и каждый раз его сердце наполнялось скорбью. В итоге бывший грабитель заболел, перестал верить в римских богов и стал последователем расцветающей монотеистической религии. Что иронично, он стал верующим до самого Луция.

Луций внушал ужас бесчисленным врагам как копейщик и вёл других в бой как центурион, убивая тысячи варваров. Но он никогда не забывал страх, сжавший тогда его сердце, и свой клинок, впервые вкусивший кровь.